

*В. В. Пузанов***ХИМЕРЫ В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИОГРАФИИ**

Монография А. Ю. Дворниченко, анализируемая в данной статье, посвящена одной из наиболее сложных и спорных проблем отечественной исторической науки — историографии восточнославянского политогенеза. Автор разворачивает перед читателем величественное и эпохальное историографическое полотно, беспрецедентное и по хронологии (от древнерусских книжников до наших дней), и по полноте охвата материала (практически задействованы вся значимая для раскрытия темы отечественная литература и значительный пласт зарубежных исследований). А. Ю. Дворниченко удалось доступно и образно осветить многие сложнейшие вопросы политогенеза, благодаря чему книга читается на одном дыхании, как захватывающий роман. С этой целью, видимо, автором были подобраны и соответствующие образы — зеркала (историография) и химеры (бесплодные и вредные для науки концепции). Однако такая установка и обусловила главный недостаток монографии: ее автор не столько пытается реконструировать объективную историографическую картину, сколько бьется с химерами, под которые «подгоняет» те научные направления и труды, которые не вписываются в «демократическую концепцию политогенеза», отстаиваемую самим автором. Другим критерием положительной оценки работ исследователей является отрицание ими наличия государственности в домонгольской Руси. Как следствие — ограниченность главного вывода, согласно которому основной парадигмой развития историографии древнерусского политогенеза было «движение от монархической идеи к демократической». При этом на самом деле концепция А. Ю. Дворниченко далека от «демократической», что объясняется как его упрощенным пониманием государства, так и нежеланием объяснить читателю, каким образом в предлагаемой им схеме иерархическая стратегия политогенеза трансформировалась в гетерархическую, а потом опять в иерархическую.

Особое недоумение вызывает способ полемики А. Ю. Дворниченко с оппонентами, нередко сводящийся к простому постулированию своего мнения и высмеиванию, но не опровержению построений оппонентов. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: А. Ю. Дворниченко, зеркала и химеры, древнерусский политогенез, «демократическая» теория, вождество, историография.

Для цитирования: Пузанов В. В. Химеры в кривом зеркале историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 418–432. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.216

*V. V. Puzanov***CHIMERAS IN THE FALSE MIRRORS OF HISTORIOGRAPHY**

The monograph by A. Yu. Dvornichenko, analyzed in this article focuses on one of the most difficult and controversial problems of historical science: the historiography of Eastern Slavic politogenesis. The author unfolds before the readers' eyes a majestic and epochal historiographic canvas, unprecedented in its chronology (from the ancient scribes to the present day) and in comprehensiveness of the material (involving almost all relevant for the theme by Russian researchers and a significant body of foreign studies). A. Yu. Dvornichenko managed to accessibly and vividly deal with many difficult questions of politogenesis, making the book read in one breath, as an exciting "historical novel". With this aim, apparently, the author selected corresponding images: mirrors (historiography) and Chimeras (fruitless and concepts harmful to science). However, this formulation led to the main drawback of the

Пузанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет, Российская Федерация, 462034, Ижевск, ул. Университетская, 1; vvpuzanov@gmail.com

Puzanov Viktor Vladimirovich — Doctor of History, Professor, Udmurt State University, 1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation; vvpuzanov@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

monograph: A. Y. Dvornichenko does not so much try to reconstruct an objective historiographical picture as he battles chimeras, which are “customized” to those research activities and works that do not agree with “the democratic concept of politogenesis” upheld by the author. Another criteria for a positive appreciation of the work of researchers is their denial of the presence of the state in pre-Mongol Russia. As a consequence, this limits the main conclusion of the work in which the main paradigm of development of the historiography of Ancient Russian politogenesis was “the move from a monarchical to the democratic idea”. This case, as shown in this article, is actually a concept of A. Y. Dvornichenko far from “democratic”, as his extremely simplified understanding of the state and reluctance to explain to the reader how the hierarchical strategy as proposed by the author was transformed into heterarchical one, and then again into a hierarchical one.

A special source of bewilderment is the way A. Y. Dvornichenko addresses his opponents, an approach which often boils down to a simple postulation of their opinions and ridicule, but not to refute, the concepts of the opponents. Refs 16.

Keywords: A. Yu. Dvornichenko, mirrors and chimeras, old Russian politogenesis, “democratic” theory, chiefdom, historiography.

For citation: Puzanov V. V. Chimeras in the false mirrors of historiography. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 2, pp. 418–432. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.216

Монография А. Ю. Дворниченко посвящена историографии восточнославянского политогенеза — одной из вечных и наиболее спорных проблем отечественной исторической науки. Кроме того, это еще и одна из наиболее злободневных тем с точки зрения общественно-политической значимости — начиная с противостояния киевской и новгородской летописных традиций, баталий норманистов и анти-норманистов и заканчивая спорами «славян между собою» о «древнерусском наследстве». Тем удивительнее, что историографическая изученность проблемы оказалась достаточно слабой, несмотря на множество историографических сюжетов, посвященных тем или иным вопросам политогенеза, разбросанным по различным изданиям. И вот — наконец-то! — появилась первая обобщающая монография, беспрецедентная и по хронологии (от древнерусских книжников до наших дней), и по полноте охвата историографического материала (практически задействованы вся значимая для раскрытия темы отечественная литература и значительный пласт зарубежных исследований). Можно смело утверждать, что ничего подобного в нашей историографии еще не было.

Уникально уже само название работы: «Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства» [Дворниченко 2014b]. Не вполне академическое, зато интригующее, способное привлечь читателя. А. Ю. Дворниченко всегда отличался не только свежими идеями, но и легким, в меру ироничным пером, что привлекает читателя и делает чтение его работ не насилием над собой, а приятным интеллектуальным пиршеством. Правда, в данном случае, как представляется, чувство меры изменило автору. И хотя его новая работа, как не раз бывало, читается на одном дыхании, интеллектуальное пиршество порой переходит в интеллектуальное похмелье. Но не будем забегать вперед, обо всем — по порядку.

Рецензируемая работа состоит из введения, шести глав, заключения и комментариев. Во введении автор доходчиво объясняет читателю, что такое «зеркала» и что такое «химеры». Под «зеркалами» следует понимать историографию, которая «подобна зеркалам ...отражает научное изучение истории». В данном случае речь идет об историографии политогенеза «в самом широком смысле — становление и эволюция политической организации в человеческом обществе вообще». Как ви-

дим, автор не стал ограничиваться государствогенезом, видя в нем только часть «процесса политогенеза» [Дворниченко 2014b, с. 7–9]¹. Несомненно, такой подход правомерен и находится в компетенции автора. От себя отмечу, что вторая часть названия книги — о возникновении древнерусского государства — все-таки тяготеет к «узкому» понятию термина «политогенез» — *государствогенезу*. Содержание же монографии гораздо шире и соответствует условиям, заявленным автором.

Если к «зеркалам» особых претензий нет, то вот с «химерами» не все просто. Согласно А. Ю. Дворниченко, «химеры — это фантастические существа, которые, к счастью, не водятся в живой природе, но здорово плодятся в умах людей. В настоящем издании я под химерами понимаю бесплодные концепции, которые мешают постижению научной истины, изучению политогенеза». К разряду «бесплодных концепций» А. Ю. Дворниченко относит: *Varangiku* (споры норманнистов и анти-норманнистов) [Дворниченко 2014b, с. 11–13, 355, 360, 362, 392, 407, 412]; *Хазарику* («Она, конечно, не такая мощная, как предыдущая, но тоже зловредная, а суть ее та же самая: хазарским влиянием хотят объяснить весь древнерусский политогенез») [Дворниченко 2014b, с. 13–14]; *Византику* («она такая маленькая: не химера, а просто химерка какая-то...») [Дворниченко 2014b, с. 14]; *Монархику* (концепции, рассматривающие Киевскую Русь «как монархию, где народные движения — это не норма, а аномалия...») [Дворниченко 2014b, с. 38, 64, 69, 198]; *Формалику* (историко-юридические подходы) [Дворниченко 2014b, с. 92–93, 140, 185, 422]; *Идеовульгару*, которая победила окончательно в 1930-е годы (сюда попали, за небольшим исключением, советские историки и некоторые из современных) [Дворниченко 2014b, с. 194, 277, 280, 337, 422, 423]; *Патнационалику* (спор о том, кому из трех восточнославянских стран «принадлежит история Киевской Руси» [Дворниченко 2014b, с. 156, 337]; *Невежику* (псевдонаучные работы). Последняя — самая вредная, не химера, а «химерища». Бороться с ней «практически невозможно, поскольку человеческих сил не хватит: нужны герои, подобные героям древней Эллады. Но где ж их взять?» [Дворниченко 2014b, с. 346–354, 422]. Встречаются на страницах монографии также химерка «пустого баловства» (речь о работах П. В. Лукина и П. С. Стефановича) [Дворниченко 2014b, с. 341–346, 422], химерка под названием «государственный феодализм» («это детище крупной химеры Идеовульгарики») [Дворниченко 2014b, с. 315], химеры «всеобщего примирения» [Дворниченко 2014b, с. 402] и «великодержавности» [Дворниченко 2014b, с. 404], «локальные химеры» [Дворниченко 2014b, с. 245].

Химеры, по утверждению А. Ю. Дворниченко, многогранно воздействуют на историков: высасывают мозги [Дворниченко 2014b, с. 182], терзают [Дворниченко 2014b, с. 192], оказывают давление [Дворниченко 2014b, с. 280], витают (летают, реют) над ними [Дворниченко 2014b, с. 14, 402, 404], накрывают тенью [Дворниченко 2014b, с. 64] и т. п. Некоторые историки, как, например, В. Я. Петрухин, становятся «добычей сразу нескольких химер», в данном случае — «*Varangiki*, Хазарики, да и Идеовульгарики» [Дворниченко 2014b, с. 322]. Химеры могут питаться «людским страхом, ненавистью, казенным патриотизмом» [Дворниченко 2014b, с. 386]. Что их всех объединяет, так это вредоносность по отношению к науке [Дворниченко 2014b, с. 402], честь говорить от имени которой выпала автору рецензируемого

¹ Авторское понимание *политогенеза* см.: [Дворниченко 2014a, с. 487].

труда. «Итак... “химеры враждебные реют над нами”», — настораживает автор читателя, но тут же дает понять, что судьба исторической науки в надежных руках: «помолясь Николе Угоднику» [Дворниченко 2014b, с. 14], в бой со злой вражьей силой вступает (да простится мне столь высокопарное сравнение) воин света — А. Ю. Дворниченко.

В такой постановке вопроса, на мой взгляд, и заключается главный недостаток книги. Автор не столько объективно анализирует отечественную историографию политогенеза, сколько бьется с концепциями, не согласующимися с его взглядами. В свое время К. Еськов написал роман «Последний кольценосец» — тонкий троллинг на Дж. Толкиена. Суть заключалась в том, что историю Средиземья написали победители, которые уничтожили побежденные народы, и им «важно было убедить всех (прежде всего самих себя), что это и не люди были вовсе, а так... орки с троллями». Складывается впечатление, что А. Ю. Дворниченко воспользовался приемами идеологов Средиземья: прямо ведь исторические концепции «враждебными» не объявишь, не поймут, а химеры — запросто. И какой такой равноправный диалог может быть с химерами? Ату их! Прием, надо сказать, продуктивный для привлечения на сторону автора неподготовленного читателя. А вот у подготовленного он вызывает смешанные чувства — от недоумения до неприятия.

В свое время М. Б. Свердлов основным критерием оценки трудов историков считал степень приближенности их положений и выводов к его собственным взглядам, исходя из чего и определил «критерии прогресса» в изучении истории Древней Руси. А поскольку сам он работал в русле ортодоксальной советской концепции, то и рассматривал отечественную историографию сквозь призму отношения его предшественников к феодализму. Те, кто находил феодализм в Древней Руси, объявлялись прогрессивными, кто не находил — клеймились заложниками монархических, сталинских и прочих «нехороших» схем. При этом симпатии автора колебались вместе с «курсом партии» — динамично меняющейся общественно-политической ситуацией². А. Ю. Дворниченко неоднократно солидаризировался с историками, отвергающими подобный потребительский подход к историографии. Заявляет он четкую позицию и в рецензируемой монографии, давая адекватную оценку книге М. Б. Свердлова «Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков»: «По сути это поиски историографических прецедентов для утверждения о господстве феодализма в Киевской Руси. В основу ее положена более ранняя статья историка, согласно которой те исследователи, кто находил феодализм, — хорошие, а те, кто его отрицал, — плохие» [Дворниченко 2014b, с. 308].

К сожалению, автор не замечает, что сам пошел «тем же путем», лишь сменив лакмусовую бумажку «феодализма» на критерий «демократического политогенеза»³. Не использует он и само понятие «критерии прогресса» в изучении проблемы. Но приемы применяются те же: с позиций «демократической» концепции политогенеза дается характеристика и общих тенденций развития отечественной историографии, и отдельных периодов, и конкретных работ историков. Так, А. Ю. Дворниченко считает, что ему «удалось выявить и показать читателю основную парадигму

² См.: [Пузанов 1996, с. 149–153].

³ Так А. Ю. Дворниченко называет земско-областническую теорию и производные от нее концепции [Дворниченко 2014b, с. 275, 504, примеч. 1716 и др.].

развития историографии в области изучения древнерусского политогенеза» и что это было «движение от монархической идеи к демократической»⁴. «С самого начала камнем преткновения стала роль народа в политогенезе. В памятниках киевского периода она видна, что называется, без очков. Но затем московские... книжники, вдохновляемые Монархикой, стали самозабвенно созидать... монархическую концепцию Киевской Руси...». Эти идеи были развиты историками XVIII — первой четверти XIX в., которые, однако, не могли не заметить политической активности народа, хотя и трактовали ее в негативном ключе [Дворниченко 2014b, с. 16–53 и др.]. Декабристы и польские историки выступили за «вечевую свободу» в Древней Руси [Дворниченко 2014b, с. 53–55]. Во второй половине XIX — начале XX в., вследствие развития «исторической науки и сопредельных дисциплин», расширения кругозора, сформировалась и «стала своего рода *credo* отечественной исторической науки» «демократическая» концепция политогенеза, рассматривавшая Киевскую Русь «как вечевое, демократическое образование» [Дворниченко 2014b, с. 65–192, 422]. Сходные тенденции развития наблюдались и в зарубежной науке [Дворниченко 2014b, с. 355–362, 422–423]. Советская историография, стоная «под грузом жуткой химеры Идеовульгарики», вернулась и во власть стародавней химеры Монархики [Дворниченко 2014b, с. 193–287, 423]. Однако наши историки и юристы, оказавшиеся в эмиграции, не только продолжали развивать идеи о древнерусской демократии, «но и дали мощный импульс западным историкам, которые так или иначе прониклись идеями демократического устройства Древней Руси» [Дворниченко 2014b, 362–385, 423]. Даже в советской науке наступили лучшие времена. Когда уже «казалось, что на смену “демократической” теории политогенеза окончательно пришла феодальная» [Дворниченко 2014b, с. 267], появляются труды И. Я. Фроянова, а со временем и его последователей, в которых «идеи о древнерусской демократии смогли обрести второе дыхание, пережить новый расцвет» [Дворниченко 2014b, с. 272–281, 287–301, 423]. При этом А. Ю. Дворниченко достаточно реалистично отразил динамичную и противоречивую ситуацию, сложившуюся в постсоветской историографии в результате попыток представителей ортодоксальной советской науки приспособиться к новым социально-политическим и идеологическим условиям, наступившим после развала СССР [Дворниченко 2014b, с. 302–354].

Следует отметить, что выявленные тенденции развития «демократической концепции» в той или в иной степени отмечались исследователями, начиная с Ф. И. Леонтовича и заканчивая рядом современных авторов. К новому можно отнести наблюдения относительно ранних этапов и связи науки XVIII в. с предшествующей ей историографической традицией московского времени, а также хронологический срез наблюдений — от древнерусских книжников до современных историков. Но что является несомненным научным «открытием» А. Ю. Дворниченко, так это признание Российской империи XIX — начала XX в. **тоталитарным** государством, позволившее ему еще в большей степени «восхититься нашей русской наукой XIX — начала XX в.». Ведь «живя в условиях **одного из самых тоталитарных режимов мира** (выделено мною. — В. П.), историки и юристы того времени изучали древнерусскую непосредственную демократию» [Дворниченко 2014b, с. 422]. Зря, таким образом, историки спорят об этапах и особенностях эволюции само-

⁴ Цитата из аннотации к книге.

державия в сторону буржуазной монархии, о том, стала ли Россия и в какой степени конституционной монархией после 1905 г. Какая конституционная монархия?! Не просто тоталитарный, а «один из самых тоталитарных режимов в мире». Не знаю, оценят ли специалисты в области истории России XIX — начала XX в. это открытие автора, но З. Бжезинский, прочитав данный пассаж, думаю, кусал бы локти от зависти... А если серьезно, то с понятием «тоталитарный» следует обращаться весьма осторожно, учитывая кем и с какой целью оно было введено в научный оборот.

Но возвратимся к авторским критериям прогресса, следуя которым, естественно (ведь именно в это время возобладали «демократическая» концепция политогенеза!), высшим этапом развития отечественной исторической науки провозглашались вторая половина XIX — начало XX в.: «Данный период в русской историографии можно назвать звездным. Это апогей развития российской историографии» [Дворниченко 2014b, с. 65]. Действительно, это был один из наиболее продуктивных периодов в отечественной исторической науке, но не только потому, что в трудах историков доминировала «демократическая» концепция политогенеза.

Сходный принцип доминирует и при оценке работ исследователей. Детально анализируются и высоко оцениваются работы представителей «демократической» концепции политогенеза — И. Я. Фроянова, В. И. Сергеевича, Г. В. Вернадского, А. Е. Преснякова, М. С. Грушевского и др. [Дворниченко 2014b, с. 114–119, 151–156, 179–185, 272–278, 365–368, 378–381 и др.]. Надо отдать должное А. Ю. Дворниченко: эти сюжеты действительно пронизаны глубоким анализом и уважением к предшественникам, даны на широком историографическом фоне. Совсем в другой тональности, нередко на грани фола, оцениваются представители научных направлений, не признающих демократический характер политического строя Древней Руси. Здесь автор не стесняется в выражениях и порой пускается «во все тяжкие». Создается впечатление, что он соревнуется с самим собой в высмеивании исторических трудов и их авторов. Вот, например, он не может «не выразить восхищения исследовательницей (речь о Е. А. Мельниковой. — В. П.), которая в условиях перестроенного хаоса, отсутствия зарплаты и т. д. не забывала и о “национальной гордости древнероссов”. Оказывается, в “феодализме” мы даже шведов с норвежцами перегнали!» [Дворниченко 2014b, с. 304]. Достается и А. В. Назаренко: «Историк, работающий в XXI в., вполне в духе некоторых историков “осмнадцатого” столетия не хочет замечать народ в древнерусской истории. Иногда он это делает, но лучше бы не делал... Наверное, это проистекает еще и из презрения специалиста-филолога к историографии» [Дворниченко 2014b, с. 320]. И о других, не угодивших чем-то исследователях он отзываться в том же духе: построения М. Б. Свердлова — «фантазии Фарятьева» [Дворниченко 2014b, с. 261]; «В. Л. Янин противопоставил революции договор. Похоже, что его “революция” обернулась “контрреволюцией”...» [Дворниченко 2014b, с. 329]; у П. П. Толочко «любовь к советской схеме политогенеза не ржавеет!» [Дворниченко 2014b, с. 330]; «Современная историография порождает своего рода курьезы, например труды П. В. Лукина» [Дворниченко 2014b, с. 341]; Н. Ф. Котляр, «открыв» городские волости, попытался рассмотреть их с позиции «воинствующего феодализма» [Дворниченко 2014b, с. 265] («воинствующий феодализм» — это что?) и т. д. и т. п. И даже реплики в адрес историков, к которым А. Ю. Дворниченко относится нейтрально («открытия вышеупомянутого А. А. Гип-

пиуса» [Дворниченко 2014b, с. 344]) или даже с симпатией (В. И. Горемыкина «в условиях застоя... вполне оправдывая свою фамилию, подвергалась гонениям» [Дворниченко 2014b, с. 267]), воспринимаются на этом общем фоне двусмысленно.

Особо достается таким известным советским ученым, как академики Б. А. Рыбаков и Л. В. Черепнин, член-корреспондент АН СССР В. Т. Пашуто. У Б. А. Рыбакова — показательная судьба «павшего льва», пнуть которого за честь считает каждый. Порой нападки грешат потерей чувства меры и приличия. Так, один известный исследователь, не зная, что бы еще такое придумать каверзное в охуление некогда всесильного научного функционера, написал, что лицо каменного изваяния, найденного под Псковом, «удивительно» напоминает «академика Рыбакова» [Клейн 2004, с. 158]. Конечно, А. Ю. Дворниченко подобных бестактных замечаний не допускает, хотя тоже не стесняется, превращая академика в некий жупел мракобесия: «Даже Б. А. Рыбаков поиграл в демократию...» [Дворниченко 2014b, с. 274]; «Дофеодальным периодом был вполне доволен даже Б. А. Рыбаков, который изучал в его рамках городское прикладное искусство» [Дворниченко 2014b, с. 231]; «Вообще с источниками, как археологическими, так и письменными, славный академик обращался очень вольно, получая от них то, что хотел» [Дворниченко 2014b, с. 244]; «Такая “бодрость” разума рождала локальные химеры. Под пером Б. А. Рыбакова мифический Кий... стал основателем полянской династии...» [Дворниченко 2014b, с. 245]. Однако это все мелочи по сравнению со следующим пассажем, посвященным сообщению Захария-Ритора о людях «hrws», наделенных «огромными членами тела», которых «кони не могут... носить из-за их размеров». Но дадим слово А. Ю. Дворниченко: «Перед этими “огромными членами” в задумчивости остановился академик Б. Д. Греков, предположив, что речь, видимо, идет о тяжелом вооружении. Но только академик Б. А. Рыбаков сумел из этих частей тела соорудить величественную концепцию древнейшей славянской истории» [Дворниченко 2014b, с. 244]. Отдавая должное остроумию и оригинальности мысли автора, отметим, что вряд ли подобные «фрейдизмы» уместны в серьезном научном труде. Как ни поразительно, это еще «цветочки», а «ягодки» — впереди: «Когда читаешь работы В. Т. Пашуто после работ Б. А. Рыбакова, то измышления последнего кажутся детскими шалостями», поскольку «В. Т. Пашуто сочинил сказку вполне в духе наиболее любимейшего в детстве киношедевра... “Город Мастеров”» [Дворниченко 2014b, с. 250–252].

Эдаким фантазером-сказочником под пером А. Ю. Дворниченко предстает и Л. В. Черепнин, который «не стеснял полет своей фантазии в плане трактовки влияния народных движений на законодательство Древней Руси» [Дворниченко 2014b, с. 252]. Более того, чтение Л. В. Черепнина навевало автору ностальгические ассоциации: «Когда я перечитывал эти строки, то вспомнил баллады А. Галича. Древнерусское вече для почтенного академика — некое подобие партсобраний эпохи застоя, которым пользовались власти. Если же там пытался выступить простой народ, это уже трактовалось в рамках диссидентства (классовой борьбы)». Рассматривая «антиномию “вече — князь”» на примере Ростово-Суздальской земли, Л. В. Черепнин, по словам А. Ю. Дворниченко, игнорирует «прямые указания источников на вече как на народное собрание. ... При таком отношении к источнику историк вполне мог бы обосновать существование в Ростово-Суздальской земле и райкома КПСС! В таком же духе он рассуждает и дальше» [Дворниченко 2014b, с. 256]. В общем,

все проблемы Л. В. Черепнина, видимо, проистекают из того, что «академик явно пересидел на партийных собраниях!». Впрочем, А. Ю. Дворниченко его понимает — «сам сживал на оных...». Но стоило только Л. В. Черепнину несколько оговориться в пользу демократичности веча, как тут же легким движением пера (вернее, легким постукиванием клавиш) он превращается в «проницательного историка» и, по мнению А. Ю. Дворниченко, «под такой картинкой, если отбросить феодализм, подписались бы многие дореволюционные историки». Впрочем, академик не только не «отбросил феодализм», но, напротив, «окончательно “разобрался” с дофеодальным периодом и дофеодальным государством. Он посчитал эти понятия неопределенными и заменил их понятиями “ранний феодализм”, “раннефеодальное государство”. <...> “Феодализм без берегов”, порожденный сознанием советских историков, простер над историей России “свои совиные крыла”» [Дворниченко 2014b, с. 258].

Справедливости ради отметим, что А. Ю. Дворниченко находит пару добрых слов не только для Л. В. Черепнина, но и для Б. А. Рыбакова и В. Т. Пашуто. Так, «заканчивая обзор творчества выдающихся советских историков в области политогенеза», он посчитал необходимым «сказать об одном из их проектов, который призван был сыграть значительную роль в изучении древнерусского политогенеза». Речь идет о секторе «Древнейшие государства на территории СССР», созданном В. Т. Пашуто при поддержке Б. А. Рыбакова и Л. В. Черепнина. Автор не поскупился на похвалу создателю и первому руководителю сектора, высоко оценив его выдающийся вклад в изучение Древней Руси. По словам А. Ю. Дворниченко, В. Т. Пашуто «поступил очень мудро: набрал в... сектор филологов... владевших редкими восточными и западными языками. Используя свои знания, они должны были собирать, изучать и публиковать зарубежные источники по истории народов Восточной Европы...» [Дворниченко 2014b, с. 259]. Однако эти пассажи — из разряда тех, что «только подтверждают правило». Фактически, за небольшим исключением, А. Ю. Дворниченко отказывает советским историкам в здравом смысле. Помимо вышеприведенных примеров отмечу и такие историографические перлы: «Дискуссия о периодизации российской истории нанесла очень сильный удар по здравому смыслу, каковой был даже и в рамках марксистской догмы» [Дворниченко 2014b, с. 237]; «Итак, здравый смысл становился не частым гостем научного “цеха”. Намотившаяся линия на феодализацию общественного строя и удревнение государства брала верх» [Дворниченко 2014b, с. 243] и т. п. Еще бы, ведь согласно нашему автору, химера Идеовульгарика «несколько десятков лет... высасывала мозги отечественных ученых. Ее сдуло трагедийным ветром перестройки...» [Дворниченко 2014b, с. 194]. Не совсем понятно, правда, в свете всего сказанного, почему А. Ю. Дворниченко считает ветер перестройки «трагедийным».

Интересно, если данную монографию прочитает неподготовленный читатель, какая информация из всех этих «зеркал» и «химер» останется в его голове? Будет ли он представлять видных отечественных историков серьезными учеными, благодаря совокупным усилиям которых создан тот запас знаний о древнем периоде отечественной истории, которым мы пользуемся, или будет считать их «фантазерами-сказочниками», плодящими зловредные для науки химеры? Действительно, если даже «выдающиеся советские историки в области политогенеза» были такими, что уж говорить о других тружениках исторического цеха!

Вторым критерием прогресса в изучении древнерусского политогенеза для А. Ю. Дворниченко стало отрицание наличия государства в домонгольский период истории Руси. Видимо, заразился он этой идеей в процессе чтения работ М. Берента, и развилась она в его воображении до степени навязчивой. Во времена не столь далекие, как известно, чтобы начать получать материальную помощь из СССР, той или иной стране третьего мира достаточно было заявить, что она решила встать на путь социалистической ориентации. Для того чтобы получить высокую оценку со стороны А. Ю. Дворниченко, выступающего в роли историографа, достаточно, как мы видели, признать демократический характер Киевской Руси, либо, как мы далее увидим, усомниться в наличии государства в домонгольский период нашей истории. Поскольку примерам сим «нести числа», остановлюсь на случайной выборке. Так, А. Ю. Дворниченко невысокого мнения о советской марксистской историографии, поддавшейся химерам Идеовульгарике и Монархике. Другое отношение — к далеким идейным предшественникам революционеров, победивших в 1917 г. И хотя «профессиональных историков среди революционеров» XIX в. «было еще меньше, чем среди либералов», работы В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова находят высокую оценку, ведь они вели речь о позднем возникновении государства на Руси и отрицали либо ставили под сомнение наличие такового в домонгольский период нашей истории [Дворниченко 2014b, с. 107–108]. Не изменяет своим принципам А. Ю. Дворниченко и при оценке трудов современных исследователей. Вот, например, как он характеризует работу А. С. Королева по истории межкняжеских отношений на Руси X в.: «Кое-какие конструкции А. С. Королева убеждают, другие — не очень, большинство вовсе не внушают доверия. Но главный его вывод — об отсутствии на Руси в это время государства — вполне обоснован и теоретически, и исторически» [Дворниченко 2014b, с. 321]. Спрашивается, на чем тогда основывается «главный вывод», если большинство конструкций А. С. Королева «не внушают доверия»? Но когда речь идет о приятном слуху А. Ю. Дворниченко мнению, доказательство — ничто, выводы — все!

Откуда такое внимание к отсутствию государства в домонгольской Руси? И резонный вопрос: что автор понимает под *государством*? Напомню, что в свое время ему приглянулись сомнительные идеи М. Берента, оспаривающего государственный характер древнегреческого классического полиса [Berent 2000; Берент 2000]. Ну а поскольку древнегреческие полисы и древнерусские земли (города-государства) типологически близки, эти выводы А. Ю. Дворниченко и перенес на отечественную почву [Дворниченко 2006]⁵. Правда, в рецензируемом издании, как бы отвечая на критику в адрес М. Берента и свой собственный, А. Ю. Дворниченко заявил, что «дело и не в полисах», что он «лично» исходит из того, «что везде в мире, а в России особенно, государство было аппаратом насилия, в котором некое меньшинство управляло зависимым от него большинством». Поскольку «древнерусская волость под такое определение никак не подходит», то и «государства в Киевскую пору не было — оно было создано впоследствии досужими книжниками и историками» [Дворниченко 2014b, с. 425].

Как видим, главная функция государства у автора сводится к насилию «меньшинства» над «большинством». По большому счету это крайне упрощенная ле-

⁵ Более того, А. Ю. Дворниченко предложил с его позиций «прояснить» и проблему политогенеза у западных и южных славян [Дворниченко 2015, с. 156–157].

нинская трактовка. У В. И. Ленина государство — инструмент поддержания власти экономически господствующего класса. В трактовке А. Ю. Дворниченко — аппарат насилия в руках некоего «меньшинства», под которое можно подвести что угодно: от господствующей половозрастной группы в кровнородственном объединении до «воровской» верхушки в преступном сообществе...

Доводы автора излишне упрощают сложный вопрос, а выделенный главный критерий государства — насилие (в современной науке обычно речь идет об организующей функции государства как главной) — может трактоваться весьма широко. Мы найдем немало примеров внегосударственной организации, когда меньшинство управляет большинством, например воров на зоне, банда, терроризирующая округу, и т. п. В то же время это может относиться и к волостной организации, когда, например, старшая община управляет младшими, волостная администрация — общиной, княжеская администрация — землей и т. п. Без насилия — в той или иной форме — хотя бы периодического, здесь не обходилось. Присутствовало насилие и в традиционной семье, даже в современной оно не изжито. Получается, согласно трактовке А. Ю. Дворниченко, что если кто-то (меньшинство) терроризирует (или просто властно держит в «ежовых рукавицах») свою семью (большинство), то может с полным основанием повторить известную фразу короля-солнца: «Государство — это я!»?

В свете сказанного непонятно ерничанье в отношении концепции А. П. Толочко, согласно которой «государство Русь» являлось формой сожителства княжеской семьи: «Вот куда могут заводить приятные на вид химеры. Эх! Где б найти такую идеальную семью, да чтобы она еще была и государством!» [Дворниченко 2014b, с. 316]. Андрей Юрьевич, я Вам подскажу где найти! В Вашем определении «государства»!

Как видим, концепция государвогенеза у А. Ю. Дворниченко далека от «демократической». Если же мы к этому добавим его увлечение теорией вождества, то и в рамках концепции политогенеза в широком понимании (согласно трактовке автора) демократическому элементу остается места немного. Фактически речь можно вести не о «демократической» концепции политогенеза, а о характеристике Русских земель второй половины XI — начала XIII в., когда, если верить А. Ю. Дворниченко, и утверждаются вечевые порядки [Дворниченко 2006, с. 190–191]. Нетрудно заметить, что здесь он отходит от концепции И. Я. Фроянова, принимая точку зрения Б. Д. Грекова о том, что вече в X — первой половине XI в. «почти не функционирует» [Дворниченко 2006, с. 190–191]. Вывод вполне логичный в рамках авторской концепции: о каких вечевых порядках может идти речь в вождестве, окончательно сформировавшемся на Руси, если верить А. Ю. Дворниченко, в правление Владимира Святославича [Дворниченко 2006, с. 190–195]?

Самое же главное — А. Ю. Дворниченко никак не объясняет механизмы перехода вождеств в гражданские общины (города-государства). Вождество, как известно, представляет собой иерархическую модель развития, город-государство — гетерархическую [Крадин 2012]. Когда, например, Е. А. Мельникова пишет о трансформации *вождества* в *дружинное государство*, она рассуждает логично в рамках заданной парадигмы. У А. Ю. Дворниченко мы не находим ответа на вопрос, каким образом, иерархическая стратегия трансформируется в гетерархическую, а потом опять в иерархическую, иными словами, — как концепция вождества согласуется

с «демократической концепцией политогенеза». С авторской иерархической моделью государствогенеза она согласовывалась бы вполне, если бы *вождество* и *государство* в его схеме политогенеза не разделяло инородное тело в виде так называемой *гражданской общины*. Наконец, почему однолинейная модель социальной эволюции до вождества включительно (а А. Ю. Дворниченко признает универсальный характер «вождества») вдруг переходит в многолинейную?⁶ Вполне возможно, что со временем А. Ю. Дворниченко найдет этому адекватное объяснение⁷, чего я ему искренне желаю, несмотря на то что симпатизирую гетерархической модели восточнославянского политогенеза [Пузанов 2014; Puzanov 2016]. Именно она в полной мере и соответствует понятию «демократической» концепции политогенеза.

Вообще способ полемики у А. Ю. Дворниченко, методы опровержения построений оппонентов и обоснования собственных взглядов нередко оставляют желать лучшего. Порой они сводятся к простому постулированию своего мнения либо высмеиванию, но не опровержению построений оппонентов. Например, он пишет: «Критик (речь об А. В. Журавеле. — В. П.) совершенно неправ, когда утверждает, что “фрояновцы” оказались без царя в голове, выйдя за пределы собственно древнерусской тематики, т. е. круга вопросов, которыми они занимались, будучи под опекой Фроянова. Его ученики оказались неспособными творчески развивать его концепцию. Отчего же? Развивают и даже создают свои концепции, основанные на всем богатстве историографического наследия» [Дворниченко 2014b, с. 302]. Здесь не мешало бы привести пару-другую примеров, что для А. Ю. Дворниченко, думаю, не составило бы особых трудов.

Показательно, как А. Ю. Дворниченко, перейдя на позиции «вождества», «громит» исследователей, меня в частности, использующих понятия «союзы» и «суперсоюзы племен». Эта «союзная», по выражению автора, терминология ассоциируется у него со словами советского гимна, что, видимо, серьезно влияет на его работоспособность, поскольку «тело само вскакивает со стула» [Дворниченко 2014b, с. 298]. Согласимся с автором: писать по стойке смирно, да еще под путающиеся в голове слова гимна, непросто. Правда, он признавался ранее, что «и сам отдал дань “союзной” терминологии в 80-е годы. Тогда на фоне безудержной модернизации древней отечественной истории она была своего рода “светом в окошке”. Теперь... и она выглядит курьезно. Так и слышишь наш старый гимн, произнося эти “союзы”, “союзы союзов” и т. д.» [Дворниченко 2006, с. 187]. Опять гимн... Какая-то навязчивая идея — всюду слышать слова советского гимна⁸.

Такой полемический прием, по мнению автора, видимо, сам по себе демонстрирует бесперспективность «союзных» дефиниций и творческое бесплодие тех, кто их использует. Оппоненту остается либо посыпать голову пеплом, либо отвечать А. Ю. Дворниченко в его же развязной манере... Например, укорить (в либеральном духе!) в том, что в эпоху Советского Союза автор был приверженцем «союзной теории», а в условиях усиления авторитаризма в России и формирования культа вождя стал поклонником «теории вождеств». В общем, повел себя подобно извест-

⁶ См.: [Пузанов 2012, с. 58–59].

⁷ Пока же он только ссылается на работы, где такая возможность постулируется, но не доказывается.

⁸ При чтении Л. В. Черепнина опять та же напасть: «При таких словах в ушах звучит нечто вроде государственного гимна!» [Дворниченко 2014b, с. 313–314].

ному деятелю, говоривавшему, что «в предыдущее царствование можно было выставлять только одну сторону вопроса, а теперь можно и другую»⁹. Либо — опять же по примеру самого автора рецензируемой монографии — ассоциировать его мантры о «вожде» со словами из бессмертного «шлягера» В. С. Высоцкого: «Мы не сделали скандала — нам вождей не доставало, настоящих буйных мало — вот и нету вожаков...».

Однако, как говаривал вождь мирового пролетариата, столь нелюбимый А. Ю. Дворниченко, «мы пойдем другим путем».

При внимательном чтении рассуждений о «союзах племен» и «вождествах» сразу же возникают серьезные вопросы. Во-первых, о каком «свете» и чем «окошке» в 1980-е годы идет речь? «Союзной» теории отдавали дань и вполне ортодоксальные историки, в том числе одним из ее главных адептов был, выражаясь языком автора, «даже Б. А. Рыбаков»! Во-вторых, как уже давно замечено, выделенные в ортодоксальной историографии «племенные княжения» гораздо ближе соответствовали понятию «вождество», чем более архаичные «союзы племен». И в-третьих, фактически «марксистские исследователи самостоятельно пришли к открытию феномена вождества» еще в начале 1970-х годов, а в 1979 г. А. М. Хазанов ввел в оборот сам «термин “вождество” — перевод английского слова *chiefdom*» [Крадин 1995, с. 13]. Как видим, в указанное А. Ю. Дворниченко время не только «союзная теория» была «светом в окошке». И кто мешал ему самому уже в 1980-е годы ввести в свои исследования понятие «вождество»? Неужто химера Идеовульгарика? Так она в эпоху перестройки стала себя чувствовать не очень уютно...

Кстати, об этой злобной химере. Родимые черты Идеовульгарики, так яростно пинаемой А. Ю. Дворниченко, свойственны в той или иной мере и ему самому. Прежде всего это заранее идеологически заданный ракурс освещения проблемы: марксисты — немарксисты (у советских историков), сторонники — противники «демократической модели политогенеза» и признающие — отрицающие существование древнерусской государственности (у А. Ю. Дворниченко). Сюда можно отнести и веру во всеислие отдельных методологических схем — марксистской формационной (советские историки), теории вождества (А. Ю. Дворниченко), все то же советское преклонение перед «прогрессивной наукой» (там — марксистской, здесь — западной) [Дворниченко 2014b, с. 8], восхищение «прогрессивными» историками и общественными деятелями, критикующими Н. М. Карамзина [Дворниченко 2014b, с. 53–55], и др. Отсюда — риторические призывы к особо симпатичным автору историкам из противоположного лагеря, в духе призывов советской марксистской историографии к «буржуазным спецам» — перейти на правильные «методологические рельсы»... Так, Т. Л. Вилкул он призывает «бросить свои новомодные увлечения и просто присоединиться к той мощной традиции отечественной историографии¹⁰, которая уходит корнями в позапрошрое столетие, а в советский период проросла школой И. Я. Фроянова» [Дворниченко 2014b, с. 317]. А. А. Горскому автор предложил даже «такую, как теперь модно говорить, дорожную карту: следующим шагом отказаться от “феодализма” на нашей почве. <...> Далее А. А. Горскому надо

⁹ См.: [Русское общество 40–50-х гг. XIX в., с. 50].

¹⁰ Думаю, что Т. Л. Вилкул не оценит этого призыва, в том числе и потому, что понятие «отечественная историография» у украинской исследовательницы может быть иным — не таким, как у А. Ю. Дворниченко.

отказаться от “феодалного государства”. И (это уж сугубо личное) от “древнерусского государства” вообще. <...> И тогда мы сможем войти в один клуб — противников этого государства-призрака» [Дворниченко 2014b, с. 312]. Показательно, что, как и в советское время, не все представители идеологически противоположного лагеря могут стать потенциальными сторонниками. Е. А. Мельниковой, например, или П. В. Лукину с П. С. Стефановичем, равно как и иным исследователям, такого лестного предложения не поступило... Видимо, с точки зрения автора, вследствие их полной бесперспективности в этом плане...

В то же время автор никак не отреагировал на набирающую тенденцию теорию (в том числе и в западной историографии) об исключительной роли элит в политогенезе. Характерно, что, уделяя достаточно много внимания позиции П. С. Стефановича, одного из апологетов данной концепции, он никоим образом ее не касается. Да и Т. Л. Вилкул, которой А. Ю. Дворниченко делает заманчивые предложения, отдает дань «аристократической» концепции.

Оговорюсь, чтобы у читателя не возникало ненужных ассоциаций, я принадлежу к школе И. Я. Фроянова и считаю, что концепция нашего учителя-основоположника является наиболее научной и объективной в плане объяснения истории Древней Руси. Но я понимаю, что это мое, субъективное мнение, следовать которому представители других школ и направлений не обязаны. Это их право — иметь свою точку зрения, главное — чтобы она не выходила за рамки научного поля. Поэтому рассматривать историографию по-принципу *наш — не наш* или *наш — отклоняющийся / ревизионист* и пр. некорректно. Более того, такой подход вступает в противоречие с принципом научной объективности. Идет он вразрез и с традициями научной полемики петербургской (ленинградской школы)¹¹, принадлежностью к которой справедливо гордится автор рецензируемой монографии.

Отмечая сходство отдельных исследовательских приемов А. Ю. Дворниченко и перестроившихся ортодоксальных историков советского времени (в частности, М. Б. Свердловца, об историографических методах которого речь шла выше), следует отметить и главное отличие. А. Ю. Дворниченко не надо отказываться от своих прежних убеждений, стремясь в очередной раз идти в ногу со временем. Он вслед за своим учителем изначально оказался в первом ряду исторической науки. Это не только честь, но и ответственность. А потому, примерив мантию историографа, нужно внимательно следить, чтобы она не превратилась в мантию прокурора. К сожалению, автору в ходе его объемного «историографического процесса» не всегда удавалось избегать «обвинительного уклона».

А. Ю. Дворниченко — историк интересный и, вполне отвечаю за свои слова, талантливый. Как профессионал он сформировался в условиях жесткого диктата ортодоксальных советских схем, в оппозиционном по отношению к ним лагере. Поэтому в полной мере вслед за своим учителем испытал на себе их «броневой» воздействие. И. Я. Фроянов вынужден был вести острую полемику в условиях, когда ему всюду затыкали рот, а возможности ответить были весьма ограничены. А. Ю. Дворниченко, будучи «первозванным», в большей степени, чем другие ученики И. Я. Фроянова, прошел через эти тернии. Но и в тех условиях он отличался

¹¹ Всегда отличавшейся особой корректностью и интеллигентностью. См.: [Пузанов, Халявин 2016].

остроумной, корректной и, главное, конструктивной полемикой¹². Свой полемический запал он сохранил до настоящих дней. Но полемический запал в проблемном историческом труде — одно, а в историографической работе — совсем другое. В первом случае он позволяет заострить проблему, приблизиться к пониманию сути спора. Но прямой перенос такой позиции на историографическое исследование, особенно когда теряется чувство меры, приводит к одностороннему пониманию проблемы, подходу к ней по принципу *хорошие — плохие историки, единственно научная концепция — химеры*.

А что же зеркала? А зеркала никогда не отражают объект адекватно, тем более — не раскрывают его сути. Особенно, если зеркала кривые.

Источники и литература

- Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 235–258.
- Дворниченко А. Ю. Древнерусский политогенез в германской историографии // *Bylye Gody*. 2014a. № 34 (4). С. 487–497.
- Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М.: Евразия; Клио, 2014b. 560 с.
- Дворниченко А. Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *ROSSICA ANTIQUA: исследования и материалы*. 2006 / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 184–195.
- Дворниченко А. Ю. Племенные структуры и славянские политогенезы (реплика) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 2. С. 152–160.
- Дворниченко А. Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // *Вопросы истории*. 1988. № 1. С. 58–73.
- Клейн Л. С. Воскрешение Перуна: к реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.
- Крадин Н. Н. Вожество: Современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Восточная литература, 1995. С. 11–61.
- Крадин Н. Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 211–239.
- Пузанов В. В. Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 152 с.
- Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // *Средневековая и новая Россия. К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 148–167.
- Пузанов В. В. «Посла ны Дерьвьска земла...». К проблеме типологии «летописных племен» // *Учен. зап. Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 44–54.
- Пузанов В. В., Халявин Н. В. «Радоваться успеху другого, радоваться радостью другого...» — особенности историографических изысканий И. Я. Фроянова // *Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология*. 2016. Вып. 4. С. 8–22.
- Русское общество 40–50-х гг. XIX в. Ч. 2: Воспоминания Б. Н. Чичерина. М.: Изд-во МГУ, 1991. 254 с.
- Berent M. The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community // *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: FEB RAS, 2000. P. 225–240.
- Rizanov V. V. Factors and characteristics of east Slavic politogenesis // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История*. 2016. Вып. 4. С. 58–68.

¹² В этом легко убедиться на примере его изящной статьи, написанной в рамках дискуссии по проблеме генезиса феодализма. См.: [Дворниченко 1988].

References

- Berent M. Bezgosudarstvennyi polis: rannee gosudarstvo i drevnegrecheskoe obshchestvo [The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community]. *Alternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to civilization]. Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 235–258. (In Russian).
- Dvornichenko A. Yu. Drevnerusskii politogenez v germanskoi istoriografii [Old Russian Politogenesis in German Historiography]. *Bylye Gody*. 2014, no. 34 (4), pp. 487–497. (In Russian).
- Dvornichenko A. Yu. *Zerkala i khimery. O vznikenii drevnerusskogo gosudarstva* [Dvornichenko A. Yu. *Mirrors and chimeras. About the formation of the Old Russian state*]. St. Petersburg; Moscow, "Evraziia" Publ.; Klio Publ., 2014, 560 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. O vostochnoslavianskom politogeneze v VI–X vv. [On the East Slavic politogenesis in the 6th–10th centuries]. *Rossica Antiqua: issledovaniia i materialy* [Rossica Antiqua: Studies and materials]. 2006. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2006, pp. 184–195. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Plemennye struktury i slavianskie politogenezy (replika) [Tribal structures and Slavic politogenesis (Some remarks)]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015, no 2, pp. 152–160. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Evoliutsiia gorodskoi obshchiny i genezis feodalizma na Rusi [The Evolution of Urban Communities and the Origin of Feudalism in Rus]. *Voprosy istorii*, 1988, no. 1, pp. 58–73. (In Russian).
- Klejn L. S. *Voskreshenie Peruna: k rekonstruktsii vostochnoslavianskogo iazychestva* [Resurrection of Perun. An approach to reconstruct of East-Slavic pagan religion]. St. Petersburg, "Evraziia" Publ., 2004, 480 p. (In Russian)
- Kradin N. N. Vozhdestvo: Sovremennoe sostoianie i problemy izucheniia [Chieftdom: Contemporary Condition and the Problems of Research]. *Rannie formy politicheskoi organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* [Early Forms of Political Organization: from Primitive Society to Statehood]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1995, pp. 11–61. (In Russian)
- Kradin N. N. Stanovlenie gosudarstvennosti na Rusi v svete dannykh politicheskoi antropologii. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2010 god. Predposylki i puti obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva* [The most ancient states of Eastern Europe. 2010: Prerequisites of, and Path to, the Formation of the Old Russian State]. Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., 2012, pp. 211–239. (In Russian)
- Puzanov V. V. *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva v vostochnoevropeskoi istoriografii* [The formation of the Old Russian state in the Eastern European historiography]. Izhevsk, "Udmurt University" Publ., 2012, 152 p. (In Russian)
- Puzanov V. V. O spornykh voprosakh izucheniia genezisa vostochnoslavianskoi gosudarstvennosti v noveishei otechestvennoi istoriografii [About controversial issues of studying the genesis of the Eastern Slavic statehood in the modern Russian historiography]. *Srednevekovaia i novaia Rossiia. K 65-letiiu professora Igoria Iakovlevicha Froianova* [Medieval and the new Russian: to I. Ya. Froyanov 75th birthday]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996, pp. 148–167. (In Russian)
- Puzanov V. V. "Posla ny Der'v'ska zemlya..." K probleme tipologii "letopisnykh plemen" ["Posla ny Der'v'ska zemlya..." On the problem of the typology of the "chronicle tribes"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Kasan' University Proceedings]. Series Humanity Science. 2014, vol. 156, book 3, pp. 44–54. (In Russian)
- Puzanov V. V., Khalyavin N. V. "Radovat'sia uspekhu drugogo, radovat'sia radost'iu drugogo..." — osobennosti istoriograficheskikh izyskaniy I. Ia. Froianova ["To be happy over someone else's success, to be happy over someone else's joy..." — notable features of historiographical research in the Work of I. Ya. Froyanov]. *Vestnik of Udmurt University. Series History and Philology*, 2016, issue 4, pp. 8–22. (In Russian)
- Russkoe obshchestvo 40–50-kh gg. XIX v. Chast' 2. Vospominaniia B. N. Chicherina* [Russian society of 40–50-ies of the 19th century. Part 2. Memoirs of B. N. Chicherin]. Moscow, Moscow University Press, 1991, 254 p. (In Russian)
- Berent M. The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community. *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok, FEB RAS Publ., 2000, pp. 225–240.
- Puzanov V. V. Factors and characteristics of east Slavic politogenesis. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 2. History*, 2016, issue 4, pp. 58–68.

Received: 12.02.2017

Accepted: 22.05.2017